

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

«ГАРМОНИЯ РОЖДАЕТСЯ ИЗ ХАОСА...»

(Герман Гецевич, Геометрия судьбы. Избранное. – М., Издательство «У Никитских ворот», 2022. – 512 с.)

Есть поэты, после которых остаётся долгое эхо. В день памяти встречаются друзья и почитатели, звучат стихи и песни. И мыслится: жизнь человека была не напрасной. Поэт Герман Гецевич работал врачом на «Скорой помощи». «Спасал людей, а себя спасти не сумел», – сказал о нём коллега по перу Виктор Коллегорский. После безвременного ухода Гецевича вышли сразу две его книги: «Свой космос» и «Геометрия судьбы». «Геометрия» значительно шире и основательнее, чем «Космос», как по объёму, так и по содержанию. Творчество Германа привлекает внимание как авангардистов, так и сторонников классического стиля. Поэт успешно работал в каждом из этих направлений, разных по своей сути. Лично для меня Гецевич – классицист «пастернаковского» разлива, совершавший успешные «набеги» в авангард. Но даже авангардные стихи часто у него зарифмованы – рифмовал Герман прекрасно и, конечно, использовал свои сильные стороны в творчестве: «гармония рождается из хаоса: / между словами затесалась пауза / и в густоте иного вещества / утратили значение слова / плотней чем воздух и длинней чем Язуз / исчадьё МХАТа – чеховская пауза / есть спазмы слов и смысла закрома / но в паузе – Поэзия сама- / и если юность – алый призрак паруса / то смерть и старость – безусловно – пауза / не затянулся б только их постой / чтоб пауза не стала пустотой».

Первая книга Гецевича, вышедшая посмертно, «Свой космос», в какой-то степени заполнила вакуум полного отсутствия его книг. Но «Геометрия судьбы» открывает нам неизвестного ранее Германа Гецевича. Послушайте, как пронзительно пишет он об уходе своей матери: «Стёрла смерть с лица земли / Грим, / Твой уход был, как с небес / Гром, / Крематория коптит / Дым, / У тебя теперь другой / Дом. / Ни обид теперь, ни бед / Нет, / Вряд ли обувь на ногах / Жмёт, / Ты оставила такой / Свет, / В горечь дёгтя подмешав, / Мёд. / Память прошлого нельзя / Смять, / Пламя плоти не унять / В стынь, / Разве можешь ты не знать, / Мать, / Как страдает без тебя / Сын. / Будто горла поперёк / Лёд, / Каменеет на губах / Крик, / Неизбежный твой итог / Влёт / Сбил, как птицу, мою речь / Вмиг».

Это стихотворение явилось для меня открытием и откровением: раньше я не встречал у Германа таких сентиментально-взволнованных и энергичных стихотворений. Здесь у него, по выражению Марины Цветаевой, появляется «удар». Поэт носил фамилию матери, что заставляет предполагать, что между ними была не только кровная, но и духовная связь. Герман признаётся, что они с мамой были как одна нота: «Нам выдано сполна, / Без всякого расчёта. / Как чёрный хлеб и соль – / терпение и боль. / Меж нами есть одна / Пронзительная нота: / Ты – ля-диез, / Я – си-бемоль». Музыканты знают, что визуально это одна и та же нота, просто в диезной тональности это диез, а в бемольной – бемоль. Но звук у них – один и тот же. Бросается в глаза ритмическая одарённость Германа. В новой книге представлен цикл стихов, посвящённых маме, и ни одном из них ритм не повторяется.

Гецевич – поэт Москвы. Вдумайтесь только: у него больше ста стихотворений о Москве (у Пушкина – 6, у Лермонтова – 8, столько же – у Окуджавы, у Цветаевой – 24). Конечно, важно ещё и качество стихов, но и с этим у Германа, как мне кажется, всё в порядке. Его стихи о Москве интересны своей многомерностью. Москва дарит поэту множество сюжетов, как будто это не город, а живое существо. Внутри «московской» темы у него всегда есть минимум ещё одна тема. Вот, например, стихотворение «Около Гоголя». Герман рассказывает о судьбе памятника писателю, и мы с горечью понимаем: судьбы памятников ничем не отличаются от судеб людей. Их так же гнобят, сносят, ставят порой в такое место, где их никто не видит. Гоголь у Гецевича вызывает сочувствие; в описании памятника присутствует какая-то щемлящая личная нота: «Уткнувшись лицом в облупившийся цоколь, / Изведав сполна: осужденья, нападки, / В районе Арбата – андреевский Гоголь – / Сидит на отшибе Собачьей площадки. / С бульвара намеренно перенесённый, / Он загнан, задумчив, но, не успокоясь, / Следит с любопытством за каждой персоной: /

Всё ждёт ревизора по имени Совесть. / А рядом живые и мёртвые души – / Слились воедино, и мчатся куда-то. / Из Рима Россию он видел не хуже, / Чем склоны Полтавы с подмостков Арбата. / Тусуются около ватник и щёголь, / Что с лёгкостью врут на манер Хлестакова... / Как нравится вам эта публика, Гоголь, / И эта площадка двора проходного?». Я привёл здесь только фрагмент этого стихотворения, поскольку у Германа Гецевича многие стихи – достаточно длинные.

Среди московских стихов в «Геометрии судьбы» есть и верлибры, причём очень смешные – «Улица Богородица» и «Трамвай №7». Приведу фрагмент из «Трамвая», воссоздающий атмосферу переполненного вагона: «а ну ещё чуток / а ну ещё малёк / а ну ещё разок / не стойте у дверей / пройдите же вперёд / упёрся как баран / ведь это вам не то / ведь это вам не там / ведь это не такси / оплачивай проезд / нашёлся моралист / да сам ты педераст / а ведь товарищ прав / на линии контроль...». Мы видим, что творческая палитра Германа Гецевича чрезвычайно широка и разнообразна. Представлены в новой книге и его переводы, и детские стихи, и песни, и даже хокку.

Но любимой стихотворной формой был у него сонет, который состоит всего из 14 строк. Гецевич перевёл все 154 сонета Шекспира. Конечно, есть у него и свои собственные сонеты, которые он назвал «нумерологическими». Блистательная техника помогает Герману справляться с таким коварным и требующим мастерства поэтическим жанром, как сонет. Выдумщик, тонкий лирик, мастер чеканного слога, Герман Гецевич оставил нам ценное свидетельство о процессе стихосложения – как это происходило с ним самим: «Бывает так: / Ни слёз, ни мук, / Душа на всё / Молчит в ответ, / И вдруг из тьмы / Какой-то звук, / Какой-то знак, / Какой-то свет... / И появляется / Строка, / И вновь уводит / За собой, / Не в черновик, / А в облака / Какой-то миг, / Что был судьбой. / Какой-то миг, / Какой-то час, / Какой-то год, / Какой-то век... / Но я ещё / Всего лишь часть, / Хотя уже – / Не человек. / И по лицу / Стекает слеза, / И чувство ходит / По пятам, / Мне всё равно: / Где – там, / Что здесь, / Ведь я давно / Не здесь, / А там». Действительно, вдохновение для поэта сродни «выходу из тела», которое часто встречается в трудах мистиков, экстрасенсов и иллюминатов. Фраза «хотя уже – не человек» у Гецевича сражает наповал. Талант поэта позволял ему стать более известным и востребованным, нежели это произошло при жизни. Такова была его «геометрия судьбы». Но мы, его читатели и почитатели, постараемся исправить этот недостаток.